

(659)
13 марта 2012 года

Вызывать сочувственную
симпатию к героям.

Жизнь, сотворенная позавчера,
молода и пышет счастьем.

«Сколько белого дня,
столько и черной ночи».

проза Трудный путь к счастью

Книга **Сандры Мясниковой «Детки не растут на ветке»** (издательство «Русский двор») погружает читателя в сложную, порой жестокую реальность последних десятилетий, когда женщине совсем не просто найти свое место в жизни и обрести семейное счастье. Дебют автора в литературе состоялся под девичьей фамилией Жирмунская (Александра родилась в семье поэтессы, прозаика и литературоведа Тамары Жирмунской и киносценариста и прозаика Павла Сиркеса, окончила Литературный институт им. А. М. Горького). Первая ее книга прозы «Женщина на земле» вышла в 1997 году. В новой книге «Детки не растут на ветке» искренний психологизм автора позволяет читателю заглянуть в душу ее героини, пережить вместе с ней, верить в счастливый финал. Свое мнение о книге Сандры Мясниковой высказали писатели Фазиль Искандер и Игорь Волгин.

Гимн жестокости

Трогательный, честный, исповедальный характер повествования Сандры Мясниковой заставляет читать ее с открытой душой и сочувствием. Я приветствую такой подход к литературе - вызывать сочувственную симпатию к героям, сопереживать их несчастьям, грехам волным и невольным. И, главное, их стремлению найти любовь настоящую - и возвышенную, и чувственную - и потом пытаться удержать ее. Героини писательницы Сандры Мясниковой хороши собой, умны, а главное - открыты и искренни. Их борьба за любовь и место в жизни абсолютно естественна, а не агрессивна-эгоистична. Одним словом, автор, на мой взгляд, пропел гимн женственности, увы, исчезающей из жизни на наших глазах. Хочется верить, что не полностью и не навсегда.

Фазиль ИСКАНДЕР.

Уверенной, твердой рукой

«Ты женщина, и этим ты права», - сказал поэт. Героини Сандры Мясниковой всегда оказываются правы - как по отношению к ухажившим от них возлюбленным, так и вообще - к подстерегающим их неблагоприятным жизненным обстоятельствам. Они, эти героини, бескорытны, целеустремленны, расчетливы, хитроумны, наивны (порой эти свойства мирно сосуществуют). Но они всегда остаются женщинами.

Разумеется, это не романтические тургеневские девушки и не роковые инфернальницы Достоевского. И уж во всяком случае - не «бедные Лизы». Это вполне современные, самодостаточные, нередко весьма обеспеченные представительницы уже давно не слабого пола, знающие, чего они хотят, и неплохо ориентирующиеся в жестоких законах этого жестокого мира. При этом они не утратили главного - ради чего они хотели бы существовать: способность любить и быть любимыми. И рассказы, и повесть «Детки не растут на ветке», и путевые очерки, и переводы Сандры Мясниковой написаны уверенной, твердой рукой. Они, к счастью, лишены тех пышных псевдокрасот, которыми изобилует наша так называемая женская проза. Автор искусно выстраивает сюжет («Страница Елизавета») и органично приобщает читателя к скрытому лирическому подтексту своих повествований. Она не пытается «выбить слезу» (гон этой прозы достаточно сдержан и аскетичен), но, может быть, именно потому ее внешне бесхитровые новеллы вызывают живой эмоциональный отклик. Автор много видела (Россия, Германия, Франция, Полинезия) и, очевидно, многое пережила. Чувствуется, что некоторые сюжеты основаны на личном биографическом опыте («Ты, я и собака Сольвейга»). Но опыты этот творчески преобразован и омыслен. Все это придает прозу, представленную в книге «Детки не растут на ветке», психологическую убедительность и событийную достоверность.

Игорь ВОЛГИН,
доктор филологических наук,
профессор.

Владимир ПОЗНЕР:

Прощание с иллюзиями далось трудно

встреча с автором

Один из самых известных российских тележурналистов, человек, которого часто называют лицом эпохи перемен, - Владимир Познер представил свою книгу «Прощание с иллюзиями».

Эта русская версия появилась ни много ни мало спустя 21 год после американского издания. В свое время в США она двенадцать недель держалась в списке бестселлеров газеты «Нью-Йорк таймс». И только теперь, по мнению автора, пришло время появиться русскому варианту книги.

- Это издание, возможно, для массового читателя, - говорит Познер. - Моя книга - некий итог; даже в какой-то степени - исповедь. Насколько правильными были мои убеждения прошлого, может быть, мир тридцатилетней давности просто оказался во власти красивых, но опасных иллюзий?

Автор рассказывает, что, когда ему предложили написать о своей жизни, он не хотел, отказывался говорить о личной жизни. В течение длительного срока он по 3 - 4 часа в день надиктовывал свои мысли на кассетный магнитофон, и в итоге 40 кассет улетели в Америку к редактору. Хорошо, талантливому редактору. А их, по словам Владимира Познера, можно встретить на манеро реде, чем хороших писателей.

- Как правило, редакторы - это неудавшиеся писатели, которые писателей не любят, - уверен он. - И встретить редактора от бога - большая редкость, поверьте. И она сказала мне, что книга очень интересна, но если я не захочу говорить о себе, о своих личных вещах, то у нас ничего не получится. И я решил, сел мучительно писать книгу сам. И прочулся в ней с верой. Той верой, в которой воспитал меня мой отец: в советскую систему, в коммунизм. Я разбирался в своей книге и в личных, сложных отношениях с отцом. И было все очень тяжело и долго. Писал я не на английском, по-американски аргументируя.

Ведь моя жизнь начиналась не на русском языке. Мне повезло, и несмотря на то, что семь издательств практически одновременно отказали мне в любви и печати, она вышла и стала бестселлером. В предисловии говорилось, что я - главный комментатор Советского Союза. Я им не был. Скорее я был «странным русским», хорошо говорящим на английском языке. Мою книгу затем перевели на итальянский, немецкий, корейский. Предлагали на русский. Но я решил, что это должен сделать сам. Слишком лично, слишком ответственно... «Прощание с иллюзиями» далось мне слишком трудно, и я решил немного подождать с русской версией. Ждать пришлось восемнадцать лет - перевод был завершен в 2008 году. Еще три года Познер размышлял над тем, как в рукописи эти прошедшие годы отразить. И только теперь, по мнению автора, пришло время.

- Когда я перечитал книгу, то понял, что много всего изменилось за прошедшие годы. Изменилось, и не только в мире, но и в том, что я думаю, и в моем отношении ко всему происходящему. Как же быть? Особенность? Написать заново? Сделать вид, что уже тогда я все понимал и предполагал, что будет через 18 лет? Нет. Я хотел, чтобы мой российский зритель, мой читатель не увидел фальши. Я решил оставить книжку такой, какой она была. Но при этом снабдить каждую главу своего рода комментариями к написанному, отражающими мои сегодняшние взгляды. Мир стал другим. Стал ли он лучше или хуже - вопрос непросто. И в моей книге я сопоставляю свои былые взгляды с точкой зрения, в которую внесло свои коррективы время.

История соткана из судеб живых людей. Поэтому автор не мог не рассказать о перипетиях своей собственной судьбы, о людях, с которыми ему выпало встретиться на жизненном пути, о своих победах и разочарованиях... Первая книга касалась Советского Союза, моего отца, вторая - скорее прощание с Америкой. Я был стопроцентным американским мальчиком. Тем более мальчиком из Нью-Йорка. И я сохранил такое отношение к Америке, как мой отец к довоенной России. И из-за этого отношения он потом вернулся в СССР. И я ужасно хотел вернуться домой, в мой родной город, который был гораздо ближе, чем Москва. И в 1991 году я вернулся. Надоело, на 7 лет. Я работал на американском телевидении, объездил страну вдоль и поперек и совсем по-другому ее познал. И здесь я тоже прощался с иллюзиями.

Владимир Познер добавляет, что он видел все крупней-

ФОТО А. СЛАВУЦКИЙ

шие события XX века «с разных сторон баррикад» и теперь пытается рассказать об этом как можно честнее. Автор решает порассуждать о вопросах национального самосознания, вероисповедания, политики и особенности русского менталитета. Так, по его мнению, русским, как нации, близки ирландцы. А самыми яркими представителями нации считает Гагарина и Сахарова. По поводу «героя нынешнего времени» Познер также не питает иллюзий. Прагматичный, расчетливый и думающий прежде всего о себе человек. И за это современного «героя» нельзя винить. Он лишь продукт своего времени. Да, это сложно осознавать и проанализировать, но это стезя журналиста.

- Я никогда не думал и не стремился быть журналистом, - признается Познер, - но сегодня я люблю свою работу и получаю от нее гигантское удовольствие. Мне 78 лет, и это, согласитесь, возраст. И я счастлив оттого, что могу жить в согласии с собой. Долгое время я не понимал, почему чувствую себя некомфортно. Это было потому, что я не говорил, не мог говорить всю правду. Я имел иллюзии, я верил. И старался найти оправдание всему, что происходило. Но голос внутри меня вел по-прежнему, изнутри диалог сам с собой. И тогда я публично, и прежде всего себе, пообещал не служить никакому правительству, никакой партии, не работать ни в каком статусе никакой организации. И пока я держу свое слово.

Татьяна БЕЛОЖИКИНА.

Привет из Торжка

впечатления

«...Есть дедушка-толстовец на стене, с укоризной смотрящий на своих потомков сверху вниз. И ничего не говорящий... Он стар и красив, как смерть. Да и что говорить после того, как она уйдет от меня, осторожно ступая своими узенькими ступнями, и я услышу, словно шорох осыпающихся песчинок в часах, ход ее шагов?»

Игорь Михайлов «Шаги».

Есть что сказать! И книга Игоря Михайлова «Письма из недалека» (издательство «Художественная литература») доказательство.

Оглянешься вокруг, и правда - уходит... Уходит не только советский (столь разруганный за стабильный свет в конце тоннеля) быт, уходит вся «чуждая» Россия (оставшаяся работ и начальников на безграмотных просторах с именем, написанном по-русски иероглифом). Великое постсоветское переселение народов завершается на наших глазах. Пустеют просторы, некогда отведенные у природы нашими предками, будет тут «дедушка», даже не толстовец, смотреть с укоризной. Опустил не только остров Сахалин л- потерявший за двадцать лет более половины населения; все Зауралье стягивается в крупные города, потеряв всякую надежду на государственную поддержку деревенек и поселков, окончательно осознав полное свое бессилие в единоборстве с вечностью.

Так и видится, как подтягиваются все в Московский федеральный округ - все оставшиеся трудовые шестьдесят миллионов тенью шествуют по просторам и вдоль рек, ж/д и авиатропками. Не минула похотная судьба и города «Золотого кольца». Правда, золотыми в виде металла тут давно нет, остались лишь душа, которая в теле чужд жидится. И Михайлов, средневисший с ней - с душой средней России, вывелся чувства в слова, ставшие очерками и рассказами. (Правда, в текстах у него пафоса поменьше, чем у меня здесь.)

А вот тоски в этих текстах не меньше, чем любви. Продуманная архитектура книги приятна. Несколько саркастический стиль путешествующего писателя, пишущего очерк за очерком о городах и всяких, вызывает здоровое чувство зависти. Желание бросить все в столице и самому окунуться в прелесть и южь старинного запустения, вспомнить, перечитать путеводители и книги по истории, как тут жили, и кто тут жил много столетий подряд, вселяется в читателя после нескольких страниц. Со мной по крайней мере произошло именно это. Может, и потому, что сам прохал по этим местам не раз, и пожил тут и там по дню-два.

По остроле толкового восприятия - это, конечно, «письма» - пусть даже автор и определяет их жанр, как очерк или рассказ. Названа же книга «Письма из недалека». Воистину «недалеко» - всего-то километров 150 - 200 от столицы. А насколько разнится жизнь, насколько тьма вечерняя гуще, ночь тиши, а утра уютно-туманная... оставшимся солёным столбом на каждой площади на фоне сотен тысяч неприкаянных соотечественников, устремляющих взгляды к столице.

Сожаление об утерянности сохраненной Михайловым натуры (настоящий день в тексте давно стал прошлым, как виды на довоенные фотографии) не покидает. Большинство очерков и рассказов написаны в начале этого века, и не отразили катастрофических перемен последних 2 - 3 лет (вот так время выплывает неудобно). Тот же Углич (превращавшийся из промышленного городка в элитный туристический центр - с яхт-клубами и шикарной набережной, застроенной дорогими, но пустующими отелями, - подталкивавший молодежь по большей части к разврату) - у Михайлова еще в предфазе - между-жду... когда все старое почти умерло, а новое пока глубоко под землей. И виден еще «музей», подлинный Углич - в вечно полударме и нежной прикраске, будто бы ослепленный своей судьбой» по дороге от калачки к учреждению культуры «Музей истории русской воли».

Углич с монастырями и церквями, неизменными царевнами, Димитрием на иконах, гербах и брелках, чуда-кремлем, в котором беспомощность наша тихо бродит по тропинкам с экскурсоводами и священнослужителями.

Сам видел, как после очередной реставрационной прикраски надгробия XVII и XVIII веков были стыдливо завалены поужей осенней листвой

Игорь Михайлов ПИСЬМА ИЗ НЕДАЛЕКА ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ

Примерно об этом пишет и Михайлов. Правда, в его очерках мысли глубже, взгляд вьедливее, рука писательская тверже.

Так и чуется то шмелевское «Лето Господне», то «Москва - Петушки», а то и вовсе какой-нибудь Хемингуэй в обнимку с дядей Гиляем.

Незаметно виды современной на страны - Углича, Александрова, Торжка, Струнина, Зарайска, Твери, Звенигорода, Кимр и родного автору Питера, - одобренные экзотическими сибирскими и вовсе неведомыми большинству читателей Ноябрьском и Папулом, становятся в итоге всего лишь декорациями, которые автор приметит поменьше населять. Но, как ни странно, ни в очерках, где сам бог велел колоритными фигурами расцветить действительность, а в рассказах.

Рассказы у Михайлова, как отметил в предисловии критик Лев Аннинский, и не рассказы, а «стихи в прозе»: «Какжется, только стихи в прозе способны выдержать такое изначальное постулирование вывода, который надо бы припрятать в конец повествования... Да и не повествование это! Это лирическое странствие... Странствие между смыслом и исчезновением смысла...»

Критику, как известно, виднее... Мы же героя узрели, каким бы ни был он нидкушимым на просвещенный взгляд. Вот хоть Геннаха из «Аста ла виста», у которого время течет абсолютно современно, потому что опирается на бесконечность бытия героев сериала, главного из которых зовут Бенардо Руй Диас. Что там - так-таки века за окном, когда только маленький огорошек жизни оставляет каждодневное Геннахе сногшибательный брютет. Сколько минуток будет теплиться свет в окошке Геннаха, между первой и последней слезой своей жизни, «зми подколдой», проскочить к соседу Володе-хвилософу, чтобы принять «по лиску» под «вупешку» и малосольный огурчик.

И никакое отсутствие общественных туалетов, невозможность приобрести билет на автобус в столицу в связи с отключением света, и прочая социальная необходимость, незамеченная веками на Руси, - никакая мелочь жизни (кроме любимой прежде «зми») не сможет помешать Геннахе преодолеть, перепрыгнуть через всепоглащающие обороты-ворота и священнослужителей.

Сам видел, как после очередной реставрационной прикраски надгробия XVII и XVIII веков были стыдливо завалены поужей осенней листвой

А куда от себя убежать? «Смысла в жизни все равно не больше, чем в капле дождя», гда-тогда с листка вишни на темя младшей из руках матери. Многим это было понятно в безбрежности детства (прошу прощения за каламбур). Писатель Игорь Михайлов умел хватить сил населять почти вымерший для большинства из нас мир заново!

Окончание на 2-й стр.

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВ

«Амфора»
Боровский Александр.
История искусства для собак.
128 с., ил.

«Книжный Клуб 36,6»
Берк Алафер. Город
лжи. Перевод с английского
А. И. Сандлера. 336 с.

Герритсен Тесс. Гиблое место.
Роман. Перевод с английского
С. И. Куликовой. 304 с.

«Махаон», «Азбука-Аттикус»
Морпурго Майкл. Боевой
кобель. Роман. Перевод с английского
С. М. Мельниченко, Н. Конча.
160 с.

Функе Корнелия. Чернильная
кровь. Роман-фантазия.
Перевод с немецкого М. Соколь-
ской. 656 с., ил.

«Эксмо»
Аргов Шерри. Мужчины
любят стерж. Руководство для
слишком хороших женщин. Пер-
евод с английского Т. Новико-
вой. 320 с.

Гольман Иосиф. Хранитель
Реки. Роман. Серия «Муж-
ской взгляд». Проза И. Гольма-
на. 448 с.

Маринина Александра.
Бой тигров в долине. Роман в
2 томах Т. 1. Серия «Королева де-
тектива». 352 с.

Михайлова Евгения. Длин-
нее века, короче дня. Роман. Се-
рия «Детектив-событие». 320 с.

Пелевин Виктор. S.N.U.F.F.
Роман-утопия. 480 с.

Троица Татьяна. Чужая
женщина. Роман. Серия «Ме-
лодия любви». Романы Т. Трои-
ной». 320 с.

Алексей КОЗЛОВ:

Читаю политические детективы

книги в моей жизни

Народный артист России Алексей Козлов - один из самых знаменитых отечественных джазменов. Созданная им почти тридцать лет назад джаз-рок-группа «Арсенал» до сих пор продолжает радовать своих поклонников. Впрочем, помимо джаза, Алексей Семенович еще много чем занимается. Выступает с циклом лекций о современной музыке, выпускает книги.

- Алексей Семенович, скажите, какое значение имеет для вас книга?

- Я не боюсь показаться банальным и повторить фразу классика, сказавшего: все хорошее во мне появилось благодаря книгам. И применительно ко мне это отнюдь не преувеличение. Книга является для меня очень важным не только источником знаний, но и неким жизненным компасом, ориентиром, позволяющим мне понимать, в каком русле движется современное искусство, какие задачи мне перед собой ставить. В течение почти 15 лет целыми днями я просиживал в Ленинградской библиотеке, пока не начал ездить по гастролям. (Окончив Архитектурный институт, Алексей Семенович работал научным сотрудником ВНИИ технической эстетики. - А. С.) И так как в Ленинке имел доступ в спецхран, то и прочел все, что можно. Я такая жертва книги.

- Что вы сейчас читаете?

- Читаю постоянно и очень много. Не так давно для меня открылся новый, удивительный мир. Появился ридер, и в формате FB2 я читаю все. Представляете, в маленьком таком планшетнике, который я могу положить в портфель вместе с какими-нибудь другими папками, бумагами, помещается целая Ленинская библиотека. Это очень удобно.

- Но, с другой стороны, обаянная книга обладает особой теплотой и энергией.

- Нет, для меня это прошлое, я раздаю свою домашнюю библиотеку друзьям и знакомым. У меня вся литература сейчас хранится в электронном виде, и можно скачать себе все, что угодно. Все русское и зарубежное классико, всю современную литературу. Подозреваю, что человеку, никогда не державшему в руках ридер, это понять непросто. Вот уж насколько я книги любил, собирал их долгие годы, но как только появились ридеры, для меня началась совсем другая жизнь. Вот представляете, вы захотели перечитать всего Анатоля Франса, где вы его достанете?

- В библиотеке.

- Ну, это надо идти, искать. Во-вторых, не в каждой библиотеке он есть, а тут у вас под рукой полное собрание. И все, что вы только не вспомните, у меня они теперь есть. И не занимают никого места. Вся классика, все современные политические детективы.

ФОТО А. СЛАВУЦКИЙ

- Неужели вы читаете детективы, честно говоря, это как-то не очень уязвляется с вашим образом.

- Да почему же? Я обожаю читать политические детективы. Это колоссальный, потрясающий жанр. Не просто исследование преступлений, бовевки и стрелялки - зачастую в этих книгах дается новое представление о различных исторических событиях и периодах. Нередко политические детективы пишут бывшие разведчики, например Ян Флеминг, которые видели происходившее изнутри. Я никогда бы не мог подумать, что после войны наши спасали эсэсовцев, чтобы взять их на службу в КГБ, а вот с журналистским вполне возможно.

- А почему, музыка молчит?

- У нас много концертов, записей. Кроме того, мы выпустили несколько альбомов, и аннотацию к каждому диску пишу я сам. С писательским трудом это, конечно, сравнить нельзя, а вот с журналистским вполне возможно.

Александр СЛАВУЦКИЙ.

Времена не выбирают

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Думаю, что ныне всякая новая книга о Путине - факт довольно рядовой, об этом человеке много пишут и еще будут писать, и вообще нет другого политика в России, чье имя столь часто упоминалось бы. Книга Ольги Видовой «Владимир Путин. Времена не выбирают» (издательство «Парад») - в череде подобных изданий. Но разница все же есть: она написана человеком со стороны, профессором, живущим в Казахстане. Это означает, что и взгляд у автора «незамысленный», не зависит от российской конъюнктуры. Человек же, живущий вне российских границ, свободен от условностей. Уже только одно это интересно для гражданина России.

Автор «Времен» Ольга Видова живет в казахстанском Усть-Каменогорске - кстати, бывшем российском городе, где все неудачи наши воспринимаются очень остро, а удачам радуются вместе с нами; события двенадцатых годов многими устькаменогорцами были восприняты как личная беда.

А Россия в ту пору катилась вниз - ехала на глазах у всего мира под веселое улюлюканье западных «партнеров» и добралась до такой низкой точки, ниже которой ничего уже нет - только приспосабливая... Страну начали открыто презирать. В бывших братских советских республиках - в первую очередь. В том числе и в Казахстане. Видова сама была тоном свидетелем.

И что применительно: чем хуже делалась обстановка в России, тем хуже относились к русским бывшие братья. Видова испытала это на себе. Эта

волна прокатилась по всем городам и весям, в том числе и по русскому Семипалатинску. А что? У русских там совершенно не было защиты. Их бывшая родина лежала на боку, издыхала - со стороны это было очень хорошо видно. Слабела Родина с каждым днем, было больно смотреть на нее.

Закончилась это с уходом Ельцина и его команды в отставку. Правда, команда эта не пропала, нигде не исчезла, хотя ключевых постов уже не занимала.

Пришли другие «последователи». К ним у соотечественников тоже есть немало претензий, но, как бы там ни было, Россия начала подниматься на ноги, и граждане России стали ощущать себя не людьми дна, а именно гражданами. В основном благодаря человеку, которому посвящена книга Ольги Видовой.

После университета у Путина наматывалась блестящая кар-

ьерная перспектива по части юридической, но его взяли работать в КГБ - вначале в контрол-разведку, а потом в разведку.

Жену себе он нашел в воздухе - она трудилась в Аэрофлоте стюардессой.

В общем, жизнь у Путина складывалась удачно и, наверное, если бы сохранился СССР, он сейчас носил генеральские погоны с большими звездами и сидел бы в кресле одного из руководителей своей уважаемой организации.

Впрочем, руководителем он стал и без того. Но в другие времена и при других обстоятельствах.

Ушел Путин из органов пресуправляющим офицером, работал вначале в университете, потом в мэрии Питера. Тогдашний мэр города Собчак, любивший внешние эффекты и стрекот камер, подписывал какую-нибудь важную бумагу, в суть ее не вникал, а спрашивал у Путина: «Это законно?» - и тот, будучи человеком добросовестным, вынужден был изучать, разбираться, давать такую бумагу до кочечки и давал свое собственное экспертное заключение, чтобы все было законно... И только так.

Уже потом в одной из бесед он подчеркнул специально: «Часто слышал: вот законы были такими, что их нельзя было соблюдать. Можно!» - и он делал все, чтобы все бумаги, выходящие из стэн мэрии, были законными, а потом, когда стал пре-

зидентом страны, то следил за этим уже в рамках всей России. Олигархи российские - Ходорковский, Гусинский, Березовский и другие - затеяли многоходовую комбинацию по превращению Путина в фиктивного президента. «А реальным руководителем страны будет Ходорковский» - через купленный контроль над Думой и Советом Федерации. Но власть не стала играть ни в домино, ни в шахматы - просто перевернула стол.

Сделалась четко видна позиция власти: «внутренней и внешней политикой России должно заниматься государство, а не отдельные, пусть даже очень богатые люди».

Как известно, партию свою олигархи проиграли.

Проработав два срока на президентском посту, Путин стал премьер-министром - пожалуй, самым деятельным и, на мой взгляд, толковым со времен Косыгина.

В книге Ольги Видовой проанализированы многие ключевые эпизоды из жизни России последних трех десятилетий, как и из жизни людей, находившихся на вершине власти, в том числе - Горбачева, Ельцина, Путина. И если Горбачев и Ельцин отмечены в книге знаком «минус», то Путин - знаком «плюс».

Питерский поэт Александр Кушнер изрек когда-то точную фразу: «Времена не выбирают», - и он прав! Мы не можем выбрать время, в котором нам следовало бы жить, а вот время выбрать нас может, это определено свыше, и с этой библейской истиной ничего поделать нельзя.

Марина ЗАВАРУЕВА.

Когда найдешь свое слово

юбилей

Не так давно наткнулась на рассказ Валентина Распутина с простым названием «В больнице». Перечитала его залпом, вновь испытывая щемящее чувство горечи и просветления одновременно. Опять подвиглась, как просто, чисто, завораживающе написано. Как приоткрыты в описании подробности и деталей больничного быта. «В больничном городе смотреть в окно - это смотреть в безысходность». Даже запах больницы как будто проникнул под кожу. К концу чтения разревелась и вспомнила, как кто-то из критиков нового времени называл Распутина «слезным» писателем.

Слезным? - удивилась Валентин Григорьевич. - Может, и так. Слеза ведь бывает не только сладостной, но и горькой. Поначалу у меня были слезы, а в рассказе 90-х годов слезы стали горькими. Что ж, переменялась сама жизнь, переменялись и слезы.

Тогда я работала над фильмом о Распутине на телеканале «Культура». Съемки проходили в его московской квартире. Говорили о «деревенщичках», о книге публицистики «Сибирь», о сочинениях, уже ставших классикой: «Уроки французского», «Денги для Марии», «Живи и помни», «Пожар»...

Нет, ни рассказы, ни другие повести... «Процание с Матерью» - эта повесть была для меня главной работой, - признавался Распутин. - Родина уезжала, родина затоплялась... Вот для этого, может быть, я и нужен был. Для этого я как-то и сбегер себя.

На полочке рядом с книжным шкафом оператор снимал коллекцию маленьких колокольчиков, привезенных, по словам писателя, чуть ли не со всего света, - стеклянных, фарфоровых, глиняных, деревянных - самых замысловатых форм и фигур.

«Я люблю смотреть на них, прежде чем начинать работу, - говорил Распутин. - Сам звук колокольчика - очистищающий, звонкий. А потом они не меняют голоса. В отличие от нас.

Этот нежный переливчатый голос колокольчика и стал лейтмотивом нашего фильма. Он звал на родину писателя, в Сибирь, в Иркутск, на Ангару. Стояла холодная зима, и мы очутились словно в царстве снежной королевы. Река Ангара сказочно застыла во льдах и снегах, а Иркутск был окутан голубоватым маревом тумана. До Аталанки, родной деревни писателя, мы не доехали. Но еще в Москве Распутин говорил, что все деревни по Ангаре и по Енисею оказались в тяжелом положении. Вот и его деревня... Лес вырубился, работы нет, школа сгорела.

«Мне даже стыдно приехать туда, - говорил Распутин, - Ничем помочь не смогу, как ни пытался... Единственно, что делаю - привожу книги для библиотеки. А что толку от книжек, их уже и не читают...»

Я спросила, куда же подевался читатель в нашей когда-то самой читающей стране.

«Разбежался, стал заниматься другими делами. Читателю необходимо было выживать, и времени для чтения у него просто не хватало, даже

у преданного читателя. Да и с литературой тоже надо спрашивать... Читатель у нас сейчас - человек пожилого возраста. Это какая-то тоска по прежней жизни, по отношению к книге...»

Между тем в книжных магазинах Иркутска шла нарастающая новая книга Распутина с притчевым названием «Мать Ивана, дочь Ивана», в какой-то степени неожиданная для писателя. Героиня повести Тамара Ивановна, простая русская женщина, труженица, мать двоих детей, убивает человека, рыночного торговца, изнасиловавшего ее дочь. Причем убивает прямо в здании прокуратуры, откуда за взятку собираются выпустить обвиняемого.

Мы снимали и здание прокуратуры, и призрачную фигуру женщины, выходящей из дверей на многолюдную улицу. Звучали слова из повести: «Сколько белого дня, столько и черной ночи. Вся жизненная дорога выстилается преодолением одного и достижением другого».

«Точно такая же история произошла в Иркутске с моей землячкой, - рассказывал Распутин. - И у нее другое имя, и у дочери. Это было громкое дело. Потом случилось еще одно, когда женщина пошла на убийство ради дочери, которую изнасиловали. Это реальные факты. Я читал уголовное дело. Даже писал тем правовым языком, который там был.

«Но все-таки это убийство, - недоумевала я. - Как это сочетается с женской природой и христианскими заповедями? Или ваша героиня атеистка?»

«Вы знаете, атеистов нет. Все атеисты - в какой-то степени люди верующие, - твердо сказал Распутин. - Да, не должно убивать. Убийство - это грех, страшнее которого ничего нет. Но ведь она не просто защищает свою дочь от позора... Она видит, как преступники откупаются, правые органы наживаются на народной беде, и нет никакого наказания. Она защищает не только себя и свою дочь, она защищает истину, семью, род свой. Некому уже стало защитить. Мужики или не понимают, или сливаются: ослабили душу и духом... И потом, разве Тамара Ивановна так легко отдалась? Четыре с половиной года просидела в колонии. Ей тяжело - это та самая совесть, самозакон, которая страшнее любого приговора.

Я спросила, почему в этой повести так разоблачены, так равнодушны друг к другу даже близкие люди.

«Живем как попало, - ска-

читает, что надо «уметь слышать тех, кто уже ушел с этой земли. Может быть, они знают правду, для них открылась истина... Иногда самая большая работа для писателя - это молчание».

«Вы наполновили москвичу, наполновили иркутянина. Где легче пишется? - спросила я в конце беседы».

«Пишется везде трудно. Иногда пишешь, а потом голову вскинешь, а где же ты ешь на самом деле? Обернешься - лиственница под окном, небольшая моя избушка, где обычно работаю, - все на месте. И так хорошо станет, что забылся настолько, будто уплыл куда-то в поисках слова...»

«Найдешь слово, хорошее точное слово - тоже радость. Но ведь пока найдешь, что творится, ой-ой! Какая казнь, «казнь», как говорила моя бабушка.

Татьяна ЗЕМСКОВА.

Привет из Торжка

проза

Начало на 1-й стр.

Населять, называть, одухотворять, взглянув туда, где «ничего, собственно, не происходит». «Просто ночь. Мосты разводят вот уже лет двести, чтобы корабли из Волго-Балтийского канала прошли в Финский залив или обратно...» Вот и все? Для другого автора - да. (А что делает с этим Михайлов, читайте далее.)

Бессюжетность дополняет тексты неожиданными степенями свободы. Когда пространство и время существуют в нескольких Временах и Вечности одновременно. Непонятно?

У жизни, как теперь известно, нет сюжета, а есть, если приглядеться, одни факты (они же - товары, они же - персоны), которые Михайлову «напоминают полуфабрикаты» или «тени коняевых клопов и сабил...»

У жизни, как теперь известно, нет сюжета, а есть, если приглядеться, одни факты (они же - товары, они же - персоны), которые Михайлову «напоминают полуфабрикаты» ...

сивилл...», рыцарей с копьем, бодающих острием чьи-то тшесдушные змеиные тела в чешуе, за которой скрыта гнусная сущность бытия по имени «факт» и «сюжет».

Потому и не «факты-сюжеты» управляют текстом, а дядя Толя Кукушкин, по велению которого и хляби небесные разверзаются, а мороз озеро до дна промораживают, а рыба в ил спать зарывається, а луч света посылается на мир и город, и рождается цвет, звук, слово.

«Луч света дробит тьму на множество цветных оттенков, грозя расколоть единый монолог на мозаичные осколки, а город

живет преимущественно в сером, в однотонном спектре. И все другие оттенки ему вредны. Его естественная среда - это всегдашняя серость...»

Успевает Игорь Михайлов заставить мир с первым лучом, чтобы увидеть, как «все вокруг оживает»?

Как и вся литература. Как и сама жизнь, в которой задолго до Михайлова «зима начала приходить в Александров... из Олденево».

«Но я все равно иду смотреть, как разводятся мосты. Как разрезаются две половинки судьбы... И все на набережной стоит в оцепенении, то ли от страха (а вдруг больше не сведут), то ли от счастья (а зачем сводить, пусть так теперь и будет, ведь красиво)...»

И пробу соединить две половинки, чтобы потом попытаться объяснить своему сыну, зачем я это делаю. Но ничего не выходит».

Особенно, когда «слово «бывшее»... употреблено в значении прошедшего времени, длежащего в настоящем».

И тут для логики следует замкнуть круг, начатый эпиграфом с ничего не говорящим дедушкой-толстовцем. Но думать-то ему не может запретить даже автор:

«Смотрю растеряно по сторонам, и сердце отчего-то щемит, и ком в горле, и слезы в глазах, как в детстве, когда обидели.

Случилось что-то. Чего я не знаю и не понимаю, но чувствую. Все как-то вдруг вышло помимо моего желания и воли...»

И я подумал, что если Христос сегодня ночью воскреснет, то пусть - здесь... Он им больше чем ли нужен...»

Потому что если Его не будет в этой жизни с развалинами, остатками прежнего уклада... грязью и бедностью, кирпичной трубой, бессмысленно нацеленной в небо, Шариком и Жучкой, совокуляющимися из века в век на платформе, то печальной имя - Струнино - так и будет в памяти звучать, словно вой голодной суки на луну».

А чтобы несколько снизить серьезность монолога, добавим мистики, которой кружево расшиты «Письма из недалека» Игоря Михайлова: «Я как-то отключился для себя решил, что некоторое время после исчезновения... Торжка стану являться в кошмарах постояльцам филиала гостиницы «Тверца», где я жил три дня.

Век тому назад это была церковно-приходская школа с церковью... Теперь вместо церкви - баня с бассейном и сауной, во дворе - гостевой домик с бильярдом и каминном.

Так вот. Облеченный в черный саван, будто ангел возмездия, я буду пугать постояльцев своим ургимым взглядом, топить их в бассейне и шваброй запырять в сауне. Я стану проклятием следующего после нас поколения... И огненной десницей на бревенчатой стене бани начертаю: «ПРИВЕТ ИЗЪ ТОРЖКА».

В каждой шутке, как говорится...»

Борис ЛУКИН.

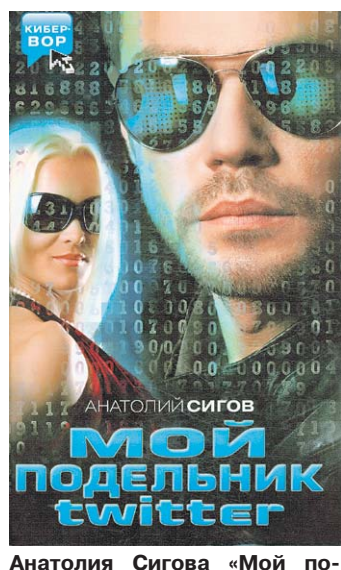
Пираты XXI века

ЧТИВО

На дворе - XXI век. Компьютерные технологии развиваются стремительным темпом. И нечего удивляться тому, что появились люди, которые используют новейшие достижения техники в корыстных целях. Они - пираты XXI века - хакеры.

«Она росла вместе с ростом компьютерной техники и информационных технологий... Но настоящий переворот совершил Интернет. Она очунулась в него, как в океан, пока не сделала открытие, что информация стоит денег». Я цитирую повесть «Дигитальные пираты» из книги

Анатолия Сигова «Мой подельник twitter».

Она - это американка российского происхождения Вероника, которая зарабатывает себе на жизнь взломом банковских счетов. Вероника, конечно, не хакер высшего класса, но тоже чего-то может. Например, украсть деньги со счета американской фирмы, куда она устраивается на работу по поддельным документам. Но, увы, ей приходится бежать от преследования закона на историческую родину в Россию. В Москве девушку тоже ждут захватывающие приключения. Вероника, что называется, идет по проторенной дорожке - устраивается на работу в инвестиционный фонд, счета которого, на взгляд юной американки, необходимо существовать обогатить. В «Дигитальных телях» Вероника жут серьезные проблемы: похищения и погони, встречи с сотрудниками российских спецслужб и ФБР, слежки и стрелки...

Честно сказать, я буквально проглотила эту книгу. Если в «Дигитальных пиратах» каждый герой не доверяет каждому и в итоге получается лихо закрученный психологический детектив, то в «Дигитальных телях» к детективу прибавляются еще драйв и настроение 1990-х, хотя действие произведения происходит примерно в наши дни.

Приятно отметить, что А. Сигов, знающий по персоналу об оборотной стороне мира информационных технологий, так по крайней мере его позиционируют на обложке книги издатель, - не перегружает свои произведения компьютерными терминами. Так что любой человек, даже тот, кто интернет, как говорится, в глаза не видел, поймет, о чем идет речь в «Моем подельнике twitter».

Майя АЛЕКСАНДРОВА.

Красота из тьмы времени

альбомы

В Российской академии художеств (РАХ) состоялась презентация альбома-каталога «Иконы романовских писем», подготовленного Рыбинским государственным историко-архивным и художественным музеем-заповедником при содействии РАХ.

Издание выводит из тьмы времени уникальную иконописную школу романовского письма, своеобразное ответвление ярославской школы XVIII - начала XIX вв., малозвестное широкому кругу ценителей прекрасного. Название ее не имеет ничего общего с династией Романовых, а идет от небольшого городка Романова-Борисоглебска близ Ярославля. Число местных иконописцев было невелико, трудились они в основном по заказам местных состоятельных людей, не выезжали далее Ярославля и Рыбинска и тем не менее создали свой особый романовский стиль.

Романовские мастера были старообрядцами, но охотно работали для официальной церкви. Они с благоговением относились к творчеству своих земляков, великих иконописцев XVIII века - Гурия Никитина и Семена Спиридонова и старались

подражать им. Отсюда - заданная высокая планка мастерства и своеобразная стилистика. Несомненно, кроме ярославской школы, романовские мастера использовали приемы своих коллег - строгановских, устюжских мастеров и московских «царских иконографов». Романовские иконы славятся тонким письмом, красотой и одухотворенностью.

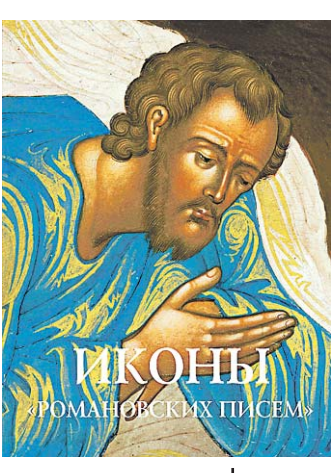
Золотой век романовской школы - конец XVIII - начало XIX вв., когда либеральное отношение правителей позволяло расцветать «древенправославному» искусству. Гонения на старообрядцев при Николае I отравили раскольников и их иконописцев в подполье, где она к началу XX века постепенно закирела.

Романовские письма отошли в область легенд. Иконы были рассеяны по музеям и частным собраниям. К счастью, сохранились прорисовки-образцы, купленные в конце XIX века Историческим музеем. Благодаря сотруднице музея Зое Павловне Морозовой романовские иконы были выделены по стилистическим признакам и датированы, что позволило снова ввести их в научный оборот.

Автор исследования - сотрудница Рыбинского музея-заповедника Ирина Львовна Хохлова, авторы описаний - сотрудники ведущих музеев и НИИ страны. Значительная часть икон, вошедших в альбом, происходит из Романова-Борисоглебска и его окрестностей. Критерии отбора - выбор и трактовка сюжетов, техника, колорит, чисто романовские детали, например облачка, полукруглые снизу и фестоновые сверху. Иконы, хранящиеся во всех крупнейших музеях страны, собраны воедино.

«МОСКОВСКАЯ ПРАВДА», 13 марта 2012 года, 6-я стр.

Олег ТОРЧИНСКИЙ. На снимках: обложка и иллюстрация из альбома.

Часть жизни сделал книгой

впечатления

Роман Наталии Соколовой «Литературная рабыня: будни и праздники» (издательство «Азбука», «Азбука-Аттикус»), главная героиня которого - редактор издательства, погружает нас в мир отношений «автор - редактор - издатель». В этом мире столько подводных камней и изменений течений, что трудно описать его без какой-то объединяющей идеи и соответствующей формы.

Идея, найденная Н. Соколовой, проста: она изобразила свою жизнь (жизнь героини романа) как часть общего сюжета книги, а сюжеты редактируемых ею книг - как часть собственной жизни. Формально эта идея выражена в та называемой заковычатностью: между началом и окончанием повествования нашлось место воспоминаниям героини, помещенной в барокамеру для медицинского обследования.

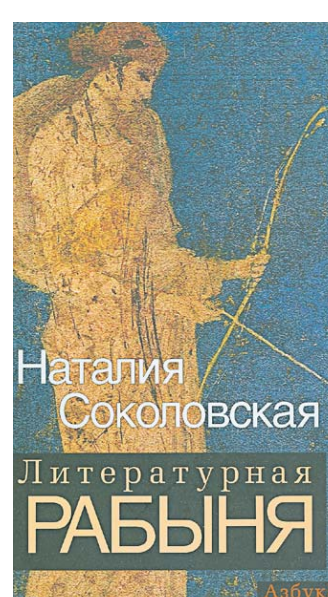
«Даша, студентка Литинститута, едет на практику в Грузию (условное название «Страна», где находится и любимый ею мужчина, и свой мир, близкий ей по духу. Но в «Стране» начинается гражданская война. Даша приходится уходить в родной Ленинград. - Питер. Уехав, она не сказала слово Ираклию, что ждет ребенка. Проходят годы, ряд мелких

многочисленных обстоятельств не позволяет вернуться. Ираклий - фоторепортер, работающий в горячих точках, - не может приехать к ней и сыну. В звонках друг другу проходит десять лет, но речь не о том, а о ее работе литературной рабыни. Без обстоятельств такое не понять.

От одиночества Дашу спасает только работа. Однако все попытки заработать (в издательстве зарплата символическая) заканчиваются неудачно. Испробованы и работа над книгой олигарха - будущего депутата, и поездка за границу с парижским режиссером для написания сценария фильма. И сочинение литературной основы сериалов по так называемым синопсисам.

И вот наконец попадает в настоящую самобытную автор - женщина, буквально сплывшаяся с кавказских гор и опишавшая свою жизнь как бы для «книги в книге». Судьба Айдан стала отдельным сюжетом.

Таким же образом включена в роман и другая история, судьба гламурной писательницы Кати (Кати), живущей за границей на деньги богатого мужа, но при всем обремененном благополучием тягуче писательству. И вот наш автор-редактор просыпается в своей барокамере и постепенно возвращается к реальности. А там и сын подросток, и Ираклий, надо понимать, при-

ехал. Такой вот простой финал - жизнь продолжается. Главное - понятно, зачем она продолжает жить и чтобы не только жить, но и любить. И помнить, что собственная жизнь и ее «сюжеты» очень тесно переплетены с жизнью близких людей и своей Страны в широком смысле этого слова. «Будни и праздники» в названии романа - чисто коммерческий посыл к читателю: неопытного круга. Ограничиться названием «Литературная рабыня» было бы намного информативнее.

Наталия ВАКУРОВА.